

Воспитание

Святитель Феофан Затворник в своих трудах называл воспитание «из всех святых дел самым святым», показывая его неизмеримую важность. Воспитанием занимается каждый родитель, педагог, да и пожалуй всякий человек так или иначе воспитывает других своими словами и примером. Но как понять, правильно ли мы подходим к делу воспитания? Как избежать ошибок и помочь детям вырасти в добре и радости? В деле воспитания не обойтись без советов опытного наставника. В июле в Тверской области проводился православный лагерь «Богослово», и мы поехали в лагерь, чтобы обратиться с вопросами к его духовному наставнику — ректору Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, настоятелю храма святителя Николая в Кузнецях города Москвы протоиерею Владимиру Воробьеву.

Батюшка, как можно охарактеризовать главную задачу родителя и воспитателя по отношению к ребенку?

Ребенок является чадом Божиим, он дается нам на воспитание. Дается родителям по плоти, а душу его рождает Бог, он принадлежит Богу. И мы, получив его на воспитание, должны выполнить свою задачу, воспитать его для Бога.

А как это осуществить?

Больше всего люди воспитываются примером. Бывает словесное воспитание — оглашение, и бывает пример. Вот сила примера: подумаем, как маленькие дети осваивают язык? Никто их не учит ни грамматике, ни заставляет их выучивать слова. Ребенок в первые два года своей жизни, когда он еще мало что понимает, тем не менее, впитывает в себя, все что он слышит и видит, и к двум годам он уже владеет разговорным языком. Для взрослого человека выучить иностранный язык так, чтобы свободно на нем говорить, — непростая задача, требующая очень большого труда. А ребенок без всякого труда свободно овладевает языком.

Ребенок впитывает все. Из медицины и психологии известно, что процесс восприятия у ребенка особенно активно проходит в первые четыре года. Потом, конечно, ребенок тоже продолжает набирать информацию и все усваивать, но интенсивность этого процесса снижается. Мы, конечно, что-то объясняем

маленьким детям, но до четырех лет не очень много можно им объяснить, потому что в это время еще не происходит у ребенка интеллектуального становления, больше всего дети усваивают сами, просто глядя на родителей и окружающих людей, слушая их. Они улавливают не понятия или идеи, они чувствуют настроение, интонацию. Например, если у окружающих людей доминирует радость в жизни, то дети станут радостными. Если, наоборот, у старших раздражение, то дети тоже начинают раздражаться. Если старшие гnevаются, злятся, то дети научаются также гневаться и злиться.

То есть получается, что проблема с ребенком — это в первую очередь проблемы родителей?

Конечно, это - прежде всего проблема внутренней жизни взрослых.

А как нам быть, если мы видим в себе страсти, видим их в своем ребенке, понимаем, что это неправильно, но сами исправить не можем. Как сделать, чтобы ребенка от этого освободить?

Мы же все любим своих детей. Хотя бы ради детей надо постараться со своими недостатками справляться. Дети наследуют многие наши недостатки, пороки, склонности. А кроме того, мы своим дурным примером губим их. Нужно постараться ради детей. Не раздражаться, не сердиться, не злиться. Не грешить. Тогда дети усвоят доброе состояние душ родителей и будут такими же добрыми.

А как правильно поступать, если я вижу, что ребенок ведет себя плохо? Я не хочу ни злиться, ни раздражаться, но как его остановить?

Можно объяснить, можно даже строго это сделать. Можно употребить даже какое-то небольшое насилие, например, взять за ручку, увести куда-нибудь. Иногда, хотя теперь ювенальная юстиция стоит на страже, но можно даже шлепнуть немножко. Но нельзя это делать с раздражением, со злобой, с гневом! Если шлепнуть, то нужно сделать так, чтобы это не было очень больно. Для того, чтобы было доходчиво, я детям спокойно говорил: если у тебя головка не понимает, придется тебе объяснить через заднее место, придется шлепку делать. Но если говоришь без раздражения, дети никогда не обижаются, не плачут, не пугаются. Они понимают, что их любят и не хотят обидеть.

А если говорить уже о детях постарше?

Детям постарше, лет с девяти, даже с семи, многое уже можно объяснить. К сожалению, современные родители часто ничего детям не объясняют, может быть, потому, что сами не понимают. Вот, например, дети часто научаются браниться дурными словами. И я всегда спрашиваю на исповеди: «ты не бранишься?» Если они грешат таким образом, я им всегда объясняю, пытаюсь сделать это доходчиво: «Понимаешь, человек создан по образу и подобию Божию. Одна из главных черт богоподобия — это дар слова. Только человек является словесной тварью, остальная тварь - бессловесная. А у тебя есть дар слова, потому что ты — чадо Божие, ты в этом подобен Богу. Это величайший дар, Бог тебя Себе уподобил. Теперь представь, что какой-то великий человек подарил тебе дорогой, замечательный подарок. А ты возьмешь и этот подарок бросишь в грязь. Как ты думаешь, что подумает твой даритель? Подарит ли он тебе что-нибудь еще после этого? Наверное, нет. Когда мы получаем такой дар, то особенно бережем его. Так и тут — ты от Бога получил такой замечательный дар. А, вместо того, чтобы использовать его по назначению, на добрые дела, ты употребляешь этот дар для злых дел. Это оскорбление Бога, святотатство, кощунство. Поэтому Господь говорит в Евангелии: «кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедрону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной» (Матф.5:22). («Рака» — сирское слово, значит "пустой, негодный человек"). Так что никакое дурное слово не должно исходить из уст человека. Пойми, какой это страшный грех. То, что все ругаются вокруг, тебя не оправдает. Поэтому весь мир и погибает во зле, что все ругаются и Бога оскорбляют этим. Если ты будешь так грешить, тогда бесполезно тебе ходить в храм - благодать Божия не войдет в твое сердце».

Когда так объясняешь, дети понимают очень хорошо.

А если дети входят в какое-то противление: «не хочу, не буду»? Как их удержат в орбите Церкви, чтобы они не ушли совсем далеко?

Даже у маленьких детей бывают периоды негативизма, и это нередкое явление. На все случаи, конечно, ответ дать невозможно. Я помню, как один из моих детей сказал: «я не хочу идти в храм». Я ответил: «Не ходи, никто тебя не заставляет, мы никого насильно не заставляем в храм ходить. В храм ходить, это - подарок, радость для всех нас, праздник, насильно мы никого не заставляем. Если ты не хочешь, конечно, оставайся дома». Он это пропустил мимо ушей. Потом мы собираемся все, одеваемся, одеваем детей других, и собираемся идти в храм — а ехать было далеко. Он видит и спрашивает: «вы что, уходите?» - «Да, уходим». «А я?» - «А ты остаешься». А он никогда один не оставался дома.

«Ты остаешься, ты ведь не хочешь идти». Он говорит «я тоже с вами пойду». - «А зачем? Ты же не хотел». И мы его еще не сразу взяли, сказав «что это такое? То хочешь, то не хочешь. В храм ходят только те, кто очень хочет». Все говорили спокойно, конечно, не сердились, не обижали бедного. И никогда в жизни больше ни один ребенок не сказал, что он не хочет.

Не часто ли для детей ходить в храм несколько раз в неделю?

Мы тут (в православном лагере) служим каждый день. Когда-то у нас лагерь был в другом месте, и там храм был в полукилометре от лагеря, и служили в нем не очень часто, а утренние и вечерние молитвы читали каждый день. Утром после зарядки и умывания нужно было идти в храм и там читать правило. И вот я захожу как-то в храм и вижу, что молитвы читают по очереди дети. Впереди стоит чтец и не выразительно, не громко бормочет молитвы себе под нос. Остальные дети скучают, сзади начинают шалить. Но все, что делается в храме, нужно делать хорошо, чтобы детей служба увлекала, захватывала. Формальное вычитывание только вред приносит детям. Лучше пойте, сократите правило, чтобы они участвовали. Потом гляжу — оказывается, не все дети приходят на молитву, а некоторые остаются в лагере, не хотят молиться. Вскоре нас с того места «попросили», и мы переехали в новый лагерь. Здесь мы храм поставили в центре лагеря, а не на отшибе, чтобы храм был доминантой, чтобы весь лагерь был вокруг храма, во-первых. Во-вторых, я предложил не читать утренние молитвы, а служить Литургию каждый день. Молодые священники выражали сомнение: дети не захотят ходить на Литургию каждый день, и будет еще хуже. Может, будем служить не каждый день? По-моему, это неправильно. И я сам стал служить Литургию каждый день. Литургию мы служим очень динамично, сокращенно: опускаем ектенью об оглашенных, читаем одно Евангелие, поем сокращенно антифоны, тропари. Не торопимся, но и не тянем, служим в спокойном ритме. И стараемся, чтобы все дети участвовали, пели. Утренние молитвы занимали полчаса, а Литургия - сорок минут. Причащаются только те, кто хочет, никого не заставляем. И вот уже третий или четвертый год мы так служим. Потом я спрашивал у детей, что им больше всего понравилось в лагере. Мне очень многие говорили, что больше всего понравилось, что Литургия каждый день. И причащались каждый день у нас человек сорок. Не все, но очень многие. Мы никому не препятствуем. Даже если они много дней подряд причащаются. И вся жизнь в лагере стала другой, все стало по-другому. Весь день освящается этой Литургией. И дети лучше себя ведут, не ссорятся. И начальники, и вожатые говорят, что стало лучше.

То есть частое посещение храма для ребенка не во вред?

Во вред это будет, если принуждать, заставлять насильно — тогда это будет во вред. Или, если они будут скучать. Надо приводить детей на Литургию на такое время, какое они могут выдержать спокойно и внимательно. Если они не могут совсем, тогда приводите к Причастию и сразу уводите. Если могут 10 минут — на 10 минут приведи. Вы сами знаете своих детей, вот так и делайте. Но в храме вести себя необходимо очень строго, спокойно, не бегать, не болтать, не играть ни во что. Пришел — молись. Не можешь — уходи.

А что делать, если дети начинают дергать друг друга, бегать?

Им надо строго сказать: в храме так нельзя, это грех.

А если говорим, но не помогает?

Надо строго сказать: это грех. Будет беда. Тогда в храм ходить не нужно. В храм можно ходить только тогда, когда вы можете хорошо себя вести. Если вообще не можете, то не ходите. Я пойду — а вы оставайтесь.

Ведь если дети ведут себя в храме безобразно, получается, что родители приучают детей к кощунству. Это будет только во вред. Тогда дети вырастут и никогда больше в храм не придут. У детей сердце очень чуткое, они не всегда могут понять, сформулировать, но они все чувствуют — они должны чувствовать благодать, чувствовать, что в храме все святое, здесь радость, мир, здесь любовь, молитва. И это надо беречь. Вот мы недавно служили, а какой-то мальчик поперек храма стал шагать, задирая ноги, как солдат. Туда прошел, обратно. А где же мать? Она не понимает, что если позволять ребенку себя так вести, то он вырастет наглым, у него не будет никакого стеснения, он уже сейчас не понимает, что перед взрослыми нельзя себя так вести вообще нигде, даже в доме, а в храме тем более. Нужно быть скромным, нужно быть тихим, незаметным. Нужно молиться, быть сосредоточенным. И детям это необходимо объяснять и показывать им пример.

Не надо надеяться, что в детях само это появится. Ребенок должен бояться того, что это оскорбляет Бога. Ведь это не детский сад, это не площадка, это храм.

Ведь дети все чувствуют... У нас есть священник, выросший в многодетной церковной семье. А бабушка у них была неверующая. При советской власти еще жили, дети были маленькие. Родители все иконы прятали, чтобы бабушку не раздражать. Однажды они пришли из церкви, на стол

положили просфору и забыли ее убрать. И приходит бабушка, видит эту просфору с крестиком и спрашивает «это - что такое?!» А маленький внук, ему было года три, отвечает: «бабушка, ну как ты не понимаешь?! Это же просфорка!» И она ничего не смогла ему ответить. «Это ведь всем понятно, а ты не понимаешь». То есть ребенок прекрасно все чувствует. Так что ребенку нужно именно объяснить — что это вот все святое, в храме, здесь нельзя себя так вести. Поиграть хочешь — пойди поиграй, но в храме нельзя, это святое. Обязательно надо вложить в сердце ребенка такое ощущение святости храма, это необходимо сделать, это условие того, что он сохранит полученную в храме благодать. А если не будет благоговения, он вырастет атеистом. Если он в храме не будет чувствовать благодати, у него будет отрицательный опыт. Если он ее чувствовал, то всю жизнь будет помнить и знать своим сердцем, что такое благодать, и никогда не скажет, что Бога нет, потому что у него был опыт общения с Богом. Он сердцем знает Бога.

Но если я говорю, объясняю, а дети меня не слушают? Не умею объяснить...

Значит, не умеешь объяснять. Если же дети совсем не слушают, значит надо сказать: те, кто слушает, пойдет со мной, а, кто не слушает, пускай остаются. Может найти кого-нибудь, кто с ними посидел бы. Вот мы пойдем на праздник, а вы останетесь без праздника. И они это очень поймут и почувствуют. И надо, чтобы им было не интересно, не весело, чтобы они не развлекались, как они хотят. Потому что если там, в храме, надо стоять, а здесь будем играть, то тогда, конечно, они решат, что дома остаться лучше. А надо сказать, например, что вы останетесь дома мыть посуду, или убираетесь, или делаете уроки, а игр никаких не будет.

Вы сказали, что дети иногда вырастают атеистами. Как найти путь к сердцу подростков, молодежи, которые не имели церковного детства и называют себя атеистами? Ведь дело не в том, что они сознательно так решили, у них просто нет опыта встречи с Богом. Как этот опыт можно им передать?

Взрослому человеку намного труднее объяснить, чем ребенку. По большей части люди ощущают благодать и тайну веры от какого-то благодатного человека. Как говорят «вера от слуха». Или еще говорят, что как свечка от свечки зажигается, так и в душе вера загорается от другой души. Проще всего почувствовать около святого человека веру. Меня Господь

сподобил знать много святых людей. За долгую жизнь я видел много таких святых людей. И когда приходишь к святому человеку, обычно вопросы имеешь какие-то, а вот придешь, и все становится ясным, само собой. Просто рядом с ним побыть — и все чувствуешь и понимаешь и открывается благодатная жизнь. Чувствуешь благодать, и спросить нечего. Это самое лучшее, когда можно увидеть настоящего благодатного человека, святого подвижника, молитвенника. И он даже когда скажет что-то простое, слова его с благодатью, они совершенно по другому действуют и воспринимаются, чем какая-нибудь лекция. Так что лучше всего встретиться с каким-то таким человеком замечательным.

Или, если возможно, повезти, сходить в святое место, монастырь какой-нибудь особый. Можно показать фильм о святых людях. Мало таких фильмов, но они есть. Можно прочитать книжку о святом человеке, очень близком по времени к нам. Вот например недавно издали книжку о преподобном Гаврииле (Ургебадзе). Он совсем наш современник. И там так описываются чудеса, его прозорливость, как он сам жил — и не поверить нельзя! Сейчас очень много чудес происходит по молитвам к нему, исцеляются люди от рака...

Ну а если у человека есть какие-то вопросы, нужно на них ответить. И, конечно, не просто академически, лекцию прочитать, а обязательно нужно донести эту тайну общения с Богом. Чтобы он почувствовал. Если ребенку вот так объясняешь — я приводил пример про бранные слова: ты пойми — Господь ведь именно тебе дал такой дар... Или объяснять, как не раздражаться: помнишь, Господь в Евангелии говорит «научитесь от Меня, яко кроток и смирен есть сердцем»? Это Господь Сам говорит. Кому говорит? Тебе. Мне и тебе говорит: научись от Меня. А ты что, не слышишь и не понимаешь? А в другом месте говорится: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Господь хочет тебе дать и говорит: научись от Меня. Смирению. Почему ты не хочешь научиться? Вот если так объяснить, доходчиво, обычно дети понимают.

А как научиться? Нужно, во-первых, молиться, просить. А во-вторых, когда кто тебя обидит, ты сразу вспомни об этом и не отвечай, не обижайся. Скажи, как царь Давид: «благо мне, яко смирил мя еси». «Хорошо, Господи, что Ты меня смирил», потому что Господь учит тебя смирению. Это как в школе урок, дали задачку, которую ты не умеешь решать, и будут давать еще и еще, пока ты не научишься. Так и Господь тебе дает: кто-то тебя обидел, кто-то тебе на ногу наступил, кто-то тебе сказал слово нехорошее — Господь специально попускает это, чтобы ты научился смиряться.

Порой случается, что мама обижается на своих же детей. Понятно, что так нельзя, как же мама может обижаться на своих детей?! Но

иногда бывает так обидно, когда дети ведут себя так, как нельзя себя вести со своими родителями, и хочется их поругать...

Обижаться по-настоящему нельзя никогда и ни на кого. Обида — это признак гордыни. Смиранный человек никого не обижает и сам не обижается. Это так святые отцы пишут.

Но в то же время преподобный Варсонофий в своем слове к начальствующему говорит, что старшему — игумену, начальнику, родителю — иногда приходится показать вид гнева. Ни в коем случае нельзя, чтобы гнев был в душе, а вид гнева показать приходится. Это похоже на то, как делают прививку. Вот, например, оспа. Если ты живую оспу привьешь, то человек заболит и умрет. А если ты мертвую привьешь, то у него будет иммунитет, и он, наоборот, не заболит. Так и если ты настоящим гневом будешь действовать, то это для ребенка и для всякого человека губительно. «Гнев правды Божией не соделовает». Гнев ничего хорошего никогда не дает. А если ты только вид гнева покажешь, а в душе у тебя гнева нет, тогда будет польза. Приходится иногда показывать вид гнева: «ты себя так плохо ведешь, я не могу больше с тобой разговаривать. Больше ко мне даже не подходи».

Нередко родители это понимают, но у них не получается совладать с собой.

Конечно, бывают дети очень трудные. Бывают такие и от рождения. У моего старшего сына есть сын. Два года назад — ему было три года или три с половиной — я был в своей комнате и чувствую запах дыма. Подумал, что, наверное, печку затопили. Потом усиливается дым. Я выхожу, а сын мой, о котором я думал, что он печку затопил, тоже выходит из другой комнаты. Я говорю: «ты чувствуешь дым? Ты печку затопил?» Он говорит «нет». «Ты чувствуешь дым?» «Да, чувствую». И мы пошли, открываем соседнюю дверь, в детскую, и видим: это самый маленький Ваня разложил на полу костер. Он узнал, что старший брат ходил в поход с отцом, и у него есть спички охотничьи, которые не тухнут. И он собрал деревяшечки, бумажку положил и эти спички решил попробовать. И поджег. Почему-то они стали тухнуть у него. Это Бог сохранил, они в принципе не тухнут, а у него тухли. Он чуть ли не тридцать спичек сожег. И они все тухли. Иначе мы бы просто сгорели. И все-таки в конце концов он зажег. Рядом занавеска. Если бы пламя было немножко больше, то занавеска вспыхнула бы, и ничего было бы не успеть потушить — воды нет в большом количестве, деревянный дом. Но Бог хранит младенцев, как известно. В общем, он выжег большое пятно в полу, но костер все-таки не загорелся, и мы

успели загасить то, что было. Я говорю: «вот этот Ваня такой, без мозгов, как говорится. Придется его поучить». И Николай — мой сын — его положил, взял ремень и отшлепал. Потому что он не понимает слов, а тут ему запомнилось. Но это такой исключительный случай. И тоже без злобы и без гнева. Он не обиделся, хотя очень ему было больно, но он не обиделся и даже не заплакал.

То есть, если я чувствую, что я раздражаюсь, то надо все оставить, пойти помолиться?..

Да, конечно, помолиться, успокоиться и потом уже спокойно иногда приходится и наказывать. Вот тут на днях ко мне пришла одна духовная дочка с младенцем двух лет. Такой беспокойный мальчик, и он всегда убежал к реке, приходилось его возвращать, а его так и тянет к реке. Это очень опасно. Привели домой. Он тут увидел игрушки, стал играть в игрушки, ничего не слушает, отнимает у других детей. Она его и так, и сяк. Он играл, играл, потом надо идти домой. А он — не хочу идти, хочу играть. Она его берет в руки, и он начинает безумно орать. И он орал, пока она отсюда дошла до дома, а это далеко. Всю дорогу орал безумным голосом. Я согрешил, конечно: у меня таких детей не было, и я подумал: как ты его до такого довела? Может быть, несправедливо подумал. Она сама застеснялась: он у меня такой, ничего не могу с ним поделать. Может быть, действительно, патология или такой склад. Когда у меня были маленькие дети, я, наверное, злой человек, со мной это было невозможно никогда. Все дети знали, что с папой так нельзя.

Наверное, это хорошо, что дети боялись так себя вести...

Раз был такой случай. Приходит Ваня мой, отец Иван, из школы. Было ему лет восемь. Они учились во второй половине дня. Приходит из школы и говорит, что они с каким-то другим знакомым мальчиком шли через стройку и нашли кошелек. И что же? А в кошельке было двадцать долларов и шариковая ручка. Коля взял себе двадцать долларов, а ему дал шариковую ручку. Показал мне ручку, пластмассовая, копеечная совершенно. Я ему говорю: у нас в семье никогда воров не было и никогда не будет. Взял его за шиворот, вынес в дверь и на лестницу выкинул. Он, конечно, там заплакал, естественно. И все дети это увидели, они ко мне бросились: папа, прости Ваню, он не хотел, за что ты его так, прости его! И тоже плачут. Я немножко выдержал паузу, потом его привели оттуда, он приходит, просит прощения. Я его, конечно, простил. И он спрашивает: «папа, а почему? А что надо было делать?» - «Как ты не понимаешь? Это твой кошелек? Нет. Значит, ты должен был взять кошелек,

отнести его в школу, повесить объявление: кто потерял кошелек? И отдать его в раздевалку. Может, кто-нибудь придет и спросит. Что же ты берешь себе чужое?» Он так и сделал на следующий день, пошел, написал. Конечно, никто не спросил. Потом ко мне возвращается: «папа, а вот Коле, который двадцать долларов взял, папа сказал: молодец! Хорошо ты сделал». Ну я ему сказал: «мне все равно, что сказал папа Коле. А у нас такого никогда не было и не будет». И никогда в жизни больше он не брал в руки чужого.

То есть детям нужно дать ориентиры, рамки. Они должны знать, что вот это не может быть никогда. Есть такое понятие: педагогический императив. Абсолютные нормы. Когда немножко можно, немножко нельзя, дети это не воспринимают. А вот если они знают, что это абсолютно нельзя...

Вот я помню, когда я был маленьким, когда в школу пошел, тогда была отдельно мужская школа, и в классе было сорок с лишним мальчишек, причем из разных самых семей, были дворовые мальчишки, хулиганы. И всякая ругань. Я до тех пор никогда таких слов не слышал, нас не пускали во двор. Я пришел домой и спросил, что это за слова, мне неизвестные. А мама мне сказала, что эти слова говорить нельзя, это дьявольские слова, это грех. Их вообще говорить нельзя. Никогда. Она мне так это объяснила — она была очень хорошая учительница сама, педагог — что у меня на всю жизнь никогда не было никакой потребности что-нибудь такое сказать, хотя вокруг всегда это звучало. Как отрезало.

От того, как ребенок любит маму, и как мама скажет, очень многое зависит.

Как я понимаю, для воспитания очень важно, чтобы родитель — или воспитатель — имел авторитет? Иногда со стороны наблюдаешь за разговором родителя и ребенка, и такое ощущение, что два ребенка разговаривают, оба надулись и пытаются друг друга переспорить.

Это неправильно. Это значит, что у родителя не хватает педагогического чутья. Это тоже талант. Педагогический дар — очень редкий, очень важный и большой дар. Он бывает не у всех. Это также, как музыкальный слух. Но ему можно как-то научиться. Немножко можно слух развить. У кого есть природный слух, тот сам слышит. А у кого нет, можно учиться и тоже научиться слышать. Может, не будешь как первый, но все-таки будешь различать.

Педагогическое чутье нужно в себе развивать, нужно этому учиться. Нужно встретить другого человека, который умеет, у которого получается, и от него учиться. И почитать что-то об этом.

Конечно, учитель или родитель никогда не должен на одну доску

становиться с ребенком. Всегда учитель должен быть на другом этаже. Это не значит, что он должен отделяться от детей, он должен быть с ними вместе, но он должен как бы с балкона разговаривать. Ученик, ребенок никогда не должен сметь разговаривать с матерью или с отцом панибратски. Это не должно быть, он всегда должен чувствовать уважение, дистанция должна быть. Это нужно обязательно.

Помню, из школы что-то принес, выражение какое-то пошленькое, не помню, что-то сказал дома. «Что ты сказал?» - и больше ничего, больше мама мне ничего не сказала. И на всю жизнь. От мамы очень много зависит в жизни человека.

Я благодарю маму за то, что она нас с детства научила молиться Богу. С детства, с самого раннего детства, сколько я себя помню, еще в кроватке маленькой, вот нельзя лечь, не помолившись Богу. И так же утром, тоже нужно встать, умыться и помолиться Богу. Нельзя за стол сесть, не помолившись. Просто невозможно. И я и сейчас не могу.

Это тоже она просто примером воспитала?

Да. Не только примером, это просто с самого момента, как я стал себя осознавать, это просто было невозможно иначе. Это стало потребностью. Ну как учат детей зубы чистить, например. Если научат, то он уже не сможет не почистив зубы, пойти куда-то. Ему будет неприятно. Или неумытым пойти. А если не научить, он так неумытый и пойдет и не заметит. Вот также точно надо научить и остальному. Со взрослыми людьми разговаривать почтительно. Нельзя хамства допускать. «Это неприлично, так нельзя себя вести». Нужно уметь объяснить доходчиво.

Меня дети и любили, и боялись. Строгость нужна. Без злобы, без раздражения, без гнева, но строгость необходима. Если ты будешь то так, то сяк, то вырастет неврастеник, пользы не будет. Уровень строгости должен быть постоянным. Но строгость должна быть с любовью. Любовь и строгость вместе.

Бывает, родитель так начинает день, старается, но хватает его ненадолго, и с середины дня уже такое терпение и понимание заканчиваются...

Это зависит от постановки. Как бывает постановка голоса. Если голос поставлен, то человек может часами петь. А если голос не поставлен, то чуть-чуть попоешь, и голос устает и дальше будет срываться. А если еще попоешь, то голос потеряешь. Или рука, когда играют на рояле. Хороший учитель всегда

сразу ставит руку. Если рука поставлена, человек может целый концерт сыграть, а это ведь очень большая нагрузка на руку. Если рука не поставлена, то пятнадцать минут человек играет, и рука начинает болеть. Называется, переиграл руку, после этого играть невозможно неделю, пока рука не восстановится. Если руку не поставить, человек не сможет стать пианистом. Так и во всем другом. Если ты правильно поставишь себя в отношении с детьми, ты не будешь так уставать. А если не поставишь, то не сможешь с ними управляться. Будешь измучиваться, а толка никакого.

***По сути, лучший способ помочь детям — становиться святыми?
Хотя были святые люди, а дети у них были грешные...***

Нужно быть и святым, и педагогом. Вот если плохой учитель в школе — это беда. Если учитель плохой, то школа становится пыткой — и для ученика, и для учителя. Но учителя можно уволить, а маму не уволишь, конечно.

Учитель, и родитель, всегда должен быть бодрыми. Дети, когда их много, они никогда не пожалеют, у них стадное чувство. Когда ребенок один, с ним можно поговорить, объяснить. Если их много, класс, то бесполезно объяснять. Помню, когда я сам учился в школе, у нас одна учительница была такая... не педагог. И дети ее, как говорится, доводили. Однажды, она пришла, у нее дома что-то случилось тяжелое, они стали ее доводить, а она стала плакать. Вот просто положила голову на руки и заплакала в классе. Я помню, что я в ужасе был, мне так ее было жалко. Я думал, что все ее пожалеют. Ничего подобного. Никто не пожалел. Дети, когда их много, они не пожалеют. Также, как это бывает и в толпе. Толпа не пожалеет. Толпа растопчет, убьет, ногами затопчет, забьет кулаками. Один человек может пожалеть, когда много — нет. На этом основаны все революции. Так что учитель, родитель, священник — он должен быть всегда, как говорится, на коне. Никогда нельзя показывать слабость свою. Никогда. Как бы ты ни устал, свою слабость показывать нельзя. Стадо — оно чувствует силу. Дети тоже должны чувствовать силу, внутреннюю силу. Иногда и внешнюю, и физическую силу приходится применять. Но главное — внутренняя сила, своего характера взрослого человека. Они должны понять, что они слабее, что им придется слушаться.

Надо ли помогать и контролировать выполнение уроков ребенком?

Если будет одно только мучение и никакого толку, то смысла нету. Вообще, у нас в семье, например, все дети учатся музыке. Это трудно, но это полезно. Они всегда заняты, у них свободного времени нет практически. Это

хорошо. Чуть-чуть надо расслабляться, но немного. Если у них много свободного времени, они начинают безобразничать, лениться. А тут их все время заставляют: ходи, играй, учи, уроки делай. И они с детства приучаются к труду. И потом результат очень хороший. Вот у меня матушка, она учительница фортепьяно. Она с пяти лет училась в музыкальной школе одаренных детей. Их там мучали ужасно. В обычной школе так не бывает, там были бесконечные занятия. Сейчас ей 76 лет, и она до сих пор не может оставить преподавание. Мы ей все говорим: да хватит уже, уже и сил нет, и здоровья, уже даже до школы дойти не можешь. А она не может оставить. И дети ее очень любят. Очень стараются именно к ней попасть. Она любит свою работу. Трудолюбие воспитывается с детского возраста.

Я бы с ума сошел: как это можно, шесть или восемь часов в день ты сидишь и учишь детей пальцы переставлять? Ужас какой-то! А она любит. Любит детей и дети ее очень любят.

Так что надо детей с детства учить. Но все, что делает ребенок, надо делать хорошо. Он должен знать, что все, что он делает, он должен делать хорошо. Что он начал, он должен закончить. Что он делает, он обязательно должен аккуратно. Необязательно быть первым учеником, но четверки и пятерки должны быть, а не тройки какие-нибудь.

Вот мама этих Емельяновых, Оксана Васильевна, она так воспитывала своих детей. Она первый год в школе не давала детям уроки делать самим вообще. Уроки делали только вместе. И она следила за тем, чтобы ребенок делал все точно и очень быстро. Не давала расслабляться. Сделал уроки за час — и гуляй. Через год она больше не подходила к нему никогда. Научила — и дальше он учился всю школу сам. Она научила его работать, правильно относиться к урокам. И больше никаких забот, дети хорошо учились.

Но на этом первом этапе принуждение нужно?

Да. Контроль и принуждение. Она его именно научила, как нужно работать, как нужно уроки делать и как к ним относиться. А не так, шаляй-валяй, тут пошел, поиграл, потом опять сел. И так часами, мучается сам и мучает всех. Она учила: сел — и сделал.

Очень, очень важно, чтобы был режим, внешний порядок. То, что у нас все дети занимаются, и дает это. Сама мама, может, и не смогла бы такой режим сделать, но если со школы только пришел, покушал и беги в музыкальную школу — опаздывать нельзя, то дети всегда очень заняты и это строит режим.

Некоторые мамы на это возражают: у детей должно быть детство,

не надо их перетруждать...

Детство у них и так есть. Если в доме хорошая атмосфера, если их любят, то детство у них и так есть. А бегать всегда, хулиганить, в футбол играть — это совсем необязательно. Они у нас не только в музыкальную школу ходят, они у нас целый день заняты, и это очень неплохо.

Но родитель и к себе должен быть очень требовательным, всегда себя проверять. А то бывает, придешь домой, мама там в халате ходит по дому, папа тоже полуодетый, и все не ясно как. И дети также будут. У нас в семье мама всегда была одета прилично. Я в доме всегда хожу в подряснике. Дети должны знать: отец — священник, и для них это важно. Они видят, что здесь не как у всех, отец — священник.

Должен быть порядок внутри и снаружи: чисто, убранно. За собой надо все убрать. Нужно игрушки сложить. Этому всему надо учить с детства. Если научишь — будет легко в жизни, а если не научишь, все разбросано, все кувыркком, потом тебе же будет очень тяжело. И им. Если с детства не научишь порядку, потом мучаться будешь всю жизнь. В одной семье, очень мне близкой и дорогой, там замечательная прекрасная мама, подвижница. Но она сама все делает по ночам. Она очень много всяких добрых дел делает, берет на себя всякие нагрузки и все тянет, она настоящая подвижница, но все делает по ночам. И приучила детей: тоже по ночам они ей помогают. В результате все дети, все — а там много детей — не могут вовремя лечь спать. Никогда. Утром не могут встать. У них всю жизнь везде проблемы с опозданиями, с порядком. Они не могут жить в распорядке, не могут вовремя успеть. Хотя очень хорошая семья. Они сами мучаются, куда бы они ни пришли, они везде мучаются, не могут вписаться в порядок.

Надо ли с детьми говорить на интимные темы?

Сейчас все общество разрушает систему приличий, семью, отношения между мужчиной и женщиной разрушаются. Целенаправленно, везде и всюду. Многие вещи в моей юности было неприлично и произносить. Сейчас этими словами наполнено все. И люди уже даже не понимают, считают, что это нормально. У них сместились понятия все, и они прекрасно понимают, чего они хотят. И эти дети, в четырнадцать, пятнадцать лет, они так образованы, они прекрасно понимают, чего им нужно. Порой такие девочки совершенно целенаправленно хотят блудить. И мальчики тоже. Мне отец Иоанн (Крестьянкин) сказал, что надо с молодежью разговаривать обо всем об этом. Я стеснялся, мне казалось, что это неприличная тема, а он сказал, что надо об

этом разговаривать. Они не понимают. Их так воспитывают, что они просто не понимают ничего. Им нужно объяснять.

И напоследок, какие бы наставления Вы могли дать нашим читательницам-мамам?

Нужно быть радостной, мирной, спокойной, любящей. И строгой. Строгость в чем? «Так не может быть. Так нельзя. Так не бывает». Одна святая старшукa, она была настоящая святая, Агриппина Николаевна, она была келейницей у отца Павла, нашего старца. Она выросла в семье купца. Там было, что ли, семеро детей. Была прислуга. Карета была. В общем, семья была зажиточная. Вот она рассказывала: однажды отец ей говорит: «видишь, в прихожей стоят грязные ботинки? Почисти ботинки все». Она спрашивает: «и эти сапоги Ивана-дворника тоже?» «Да, тоже почисти». И она там сидела полдня и чистила все эти ботинки. Хотя была прислуга, но их с детства приучали.

И такое слово у нее было, она часто его говорила: «это неприлично». Как можно себя так вести? Это неприлично. С детства в нее вложили это понятие, что так нельзя. Она училась в училище сестер милосердия Елисаветы Федоровны в Марфо-Мариинской обители. Потом была келейницей у матушки Фамари. Она видела, что такое «приличное». И вот так всю жизнь она вела себя очень скромно. И одета скромно, и поведение не какого-то высшего слоя человека, просто купеческая семья, но воспитание было железное. Как должно быть, как нужно вести себя с людьми. Это все с детства закладывается.

Не надо с ребенком обсуждать: пойдешь — не пойдешь, пускаю — не пускаю. Нужна твердость. Да, сегодня не пускаю. Сегодня ты никуда не пойдешь, будешь заниматься тем-то и тем. Слово матери — это закон. Нужно, чтобы дети имели занятие. Нужно, чтобы старшие помогали маме, младшим. Нужно обязательно поручать что-то сделать: постирай, помой посуду, подмети, убери, погуляй с младшими. Это обязательно нужно, чтобы у каждого было свое послушание.